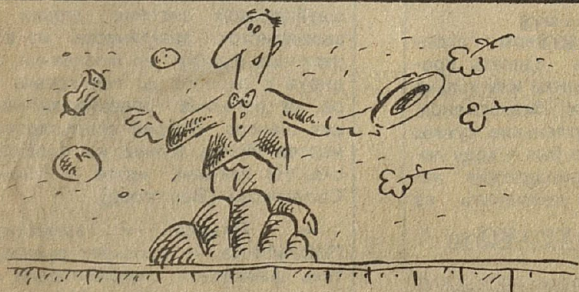

КУПЛЕТИСТ ИЗ ОДЕССЫ

всем своим видом, да и не только видом, а и словами убеждал нас за кулисами, что так шикарно поет куплеты, что публика сейчас ахнет от восторга.

— Вот увидите, у меня будет мировой успех, сейчас увидите, что будет! — и поглядывал на всех свысока. Все молчали, только покачивали головой, видя грубые манеры биндюжника, его простоватость, и слыша, как он слишком нажимает на свое раскатистое «р-р-р».

Когда он вышел на сцену, стало заметно, что «артист» растерялся. Как-то неловко поклонился в зал. Аккомпаниатор проиграл вступление, и человек запел. Публика сразу обнаружила — это же одесситы, — что у него «полный рот дикции». С трудом было можно разобрать слова куплетов, которые он приготовил для дебюта:

Я кар-р-тинку новую вам спую
сейчас...

В зале рассмеялись, и это смутило исполнителя еще больше. Стал петь не в такт музыке, детонировал и дал аккомпаниатору знак начать еще раз. И снова с той же «отчетливостью» произнес:

Я кар-р-тинку новую вам спую
сейчас...

Теперь раздался уже не только смех, но свист и особое захопывание. Однако куплетист попытался начать еще раз свои «шикарные», как он говорил до дебюта, куплеты. Тогда уже невыдержавшая публика

закричала дружно и решительно: «В будку! В будку!» (что означало «Долой со сцены!»).

Теперь уже не выдержал «куплетист», он прекратил пение, подошел к пианисту, забрал ноты, повернулся к зрительному залу и крикнул:

— Жлобы! Что вы орете! Что вы свистите! Жлобы! Я такой же жлоб, как и вы! Подумаешь, очень мне надо петь куплеты? Я заготовщик, я мастер по коже! — И под дружный, но не злобный хохот, под громовую овацию всего зрительного зала покинул сцену.

До сего дня не могу понять, как эта простая одесская публика, даже в самом затерянном театрике, судила всегда не только беспристрастно, честно, по заслугам, но и точно. Зрители с удовольствием участвовали в игре «дебютов», которые им предлагал предприимчивый Борисов. Но в оценке не кривили душой. Наверное, у них было тонкое чутье, потому что ни образования, тем более специального, ни особенных знаний у них не было — талант же они угадывали сразу. Не потому ли так трудно было завоевать успех в Одессе. Был случай, и это было на моей памяти, когда известный петроградский куплетист после своего выступления перед одесской публикой, выйдя гордо, несмотря на весьма жиденькие аплодисменты, спросил: «Ну... Как?». А ему кто-то крикнул: «ТАК ИМЕННО НЕТ!».

Владимир КОРАЛЛИ.

дебюта», но не стал даже и слушать, когда мама попыталась заговорить с ним о вознаграждении.

— Ай, бросьте, — заявил он. — Миша Пинтер будет брать деньги с детей?.. Новости!

Так он с нас ничего и не взял, это было не в его правилах. Но зато вполне естественным для него было, узнав, что кто-либо из актеров болен или находится в нужде, разыскать этого актера, помочь, поддержать, даже содержать, пока человек не встанет на ноги.

Вот так один человек, имея в «штате» только записную книжку, устраивал контракты десяткам и сотням артистов разных жанров. И как по-идиотски (иначе это не назовешь) оформляют гастроли солистов в нашей концертной системе. Моими солистами концертами, согласно заявке Одесской филармонии, разрешением и оформлением документов (это было в 1985 году) занимались три концертные организации: Москонцерт, Росконцерт, Союзконцерт!.. А еще необходима была виза и Укрконцерт! Бесконечные приказы тогдашнего Министерства культуры РСФСР еще больше усложняли и ухудшали эту бюрократическую систему.

Изменилось ли что теперь?

Но вернемся в Одессу начала века. Театр дебюта находился на углу улиц Прохоровской и Мясоевской, в самом центре Молдаванки. В этом театре был свой постоянный зритель. Арендовал маленький, на двести пятьдесят мест, театрик некто Борисов. Это был в своем роде человек необычный. И прославился не тем, что сам пел куплеты и отбивал чечетку. Нет, он прославился другим: Борисов придумал и осуществлял до удивления простую и вместе с тем единственную в Одессе оригинальную систему дебютов в своем маленьком театре. Известно, как трудно начинающему артисту получить возможность впервые показать себя публике.

— В моем театре это очень просто, — сказал Борисов однажды такому «гастролеру». — Хочешь петь? Приходи и пой за бесплатно. Можешь даже сначала порепетировать с аккомпаниатором. Только захвати ноты, если они у тебя есть, а если нет, то пианист сыграет тебе по слуху. Что будет дальше после этого дебюта, — не моя забота. Примет публика — получишь контракт через Пинтера и будешь вы-

актерской братии театрального агента Миши Пинтера. Этого толстого, круглого, как шар, необычайно добродушного человека все звали именно так и не иначе. Отчества его не знал никто, для всех он был просто Миша Пинтер. С утра до позднего вечера он важно восседал за одним из столиков «Пале-рояля» и занимался устройством на работу артистов, преимущественно эстрадных и цирковых. За это он получал от пяти до десяти процентов с контракта (вознаграждение весьма умеренное по сравнению с тем, что брали другие).

Когда к Пинтеру обращались актеры, испытывавшие материальные затруднения, он не только не брал с них комиссионных, но даже давал им займы, и, если долг не возвращали, он его не требовал.

Я очень хорошо помню, когда с мамой (она была моим администратором) робко явились в «Пале-рояль» к столику Пинтера. Он-то и устроил мне контракт в «Театр

...В СЕ эти давней давности события так зримо и осязаемо, так ярко и ощутимо предстают сегодня в моей памяти, словно это было вчера, а фактически прошло-то ведь свыше...

Я не открою Америки, если скажу, что жизнь одесских окраин восемнадцатого—двадцатых годов была причудлива.

Я очень любил и сейчас люблю одесскую публику, может быть, потому, что она меня всегда хорошо принимала, я чувствовал ее расположение и доброжелательность, ее живое внимание. Но при всем своеобразии одесская публика была, я бы сказал, профессиональна в своих оценках. У нее нельзя было проскочить, как любители говорить одесситы, «на арапа». Я в этом убеждался не раз.

Для начала перенесемся мысленно в кафе «Пале-рояль», что помещалось в садике уникального городского театра. Здесь находилась «контора» известного всей